

ИСТОРИЯ, КОТОРАЯ БРОДИТ ПО МИРУ

Святой отче¹, хоть я и обращаюсь к вам только сейчас – обращаюсь к вам вечно. Обращаюсь к вам со дна вселенной, где я живу - и с этого, и с того света. Обращаюсь к вам из сумасшедшего дома, в который меня запрятали при жизни. А ведь я и не знала, где нахожусь – всё было нормально, хотя в окнах этого дома было что-то извращённое. А когда миры поменялись – сумасшествие продолжилось в моей голове. В ней – общий хаос. Да, я в сумасшедшем доме, но я не безумна. Даже здесь, в потустороннем мире, где я якобы жива, мне лучше, чем там, у вас. Но память мне больше не служит, и я не знаю, кто я и чья. Не знаю, родилась ли я католичкой или преобращена в католичку тогда, когда «греко-восточников» возвращали к вере отцов. Когда «отколовшихся» переводили в католичество, в котором они могли найти вечное спасение. Не знаю – хорватка ли я в теле сербки или наоборот, чьё имя ношу – своё или крёстное.

Имя – ложь, но Бог – истина.

Святой отче, представляюсь как Добрила Мартинович, как учительница из Народной школы, где учились дети католиков и греко-католиков. А Народная школа находилась в Шарговце, недалеко от Бая Луки, которая должна была стать столицей Независимой Державы Хорватской и называться Антиградом. Кто-то будет вас убеждать, что это Антин Град, только это неправда. Твержу это и повторяю из собственного сумасшедшего дома – своей головы.

История – ложь, но Бог – истина.

Святой отче, в то время, в той, только что созданной державе, никто не мог жить, кроме хорватов. С теми же, кто не хотел покреститься, усташа разбирались быстро. Тогда не считалось грехом убить и дитя семи лет отроду, если оно мешало усташскому прогрессу. А дети греко-католиков, этот влакский приплод, мешали. А коль «grease ides, nula fides», коль « греческая вера – ничто», то из Народной школы в Шарговце, где я, к несчастью, была учительницей, этих греко-католических вырожденков нужно было вымести железной метлой. И ваша церковь, в целях создания Civitas Dei, эту железную метлу одобрила, и даже апеллировала, надеясь на вашу милость, чтобы тем, кто в своей патриотической деятельности иногда переступит узкие границы религиозной морали и этики, даровалось прощение.

Прощение – ложь, но Бог – истина. Святой отче, седьмого февраля – по григорианскому календарю – 1942 года, в школу ворвалась Усташская сотня Второго батальона Анте Павелича, который предводили поручик Йосип Мислов, сотенный Никола Зелич и один пастор из монастыря Петричевац, где вы собираетесь провозгласить блаженным, святым, католического служку Ивана Мерца, который любил Церковь и Христова Наместника, который боролся за Апостольский Престол, и словно орёл, показал хорватской молодёжи путь к солнцу. Святым... Так вот, имя того пастора из Петричевца – фра Мирослав Филипович, хотя кто-то говорит – фра Томислав Филипо-

1 Имеется в виду Папа Иоанн Павел II, который 22 июня 2003 года, прибыл в Бая Луку для того, чтобы в монастыре Петричевац объявить блаженным Ивана Мерца, католического служку, жившего в этом городе. Чтобы провозгласить его (умершего в 1928 году, а при жизни придерживавшегося девиза «Aut Katholirus aut nihil – Или католик, или ничто») святым на том месте, где во время создания Независимой Державы Хорватской, во время Второй Мировой войны, 6 февраля 1942 года, состоялась встреча, которую предводил братер монастыря Векослав Филипович. На той встрече было принято решение, что на следующий день, 7-го февраля, произойдёт ликвидация сербского населения на территории пригородских посёлков – Дракулич, Мотике и Шарговац, что и было осуществлено. За один день, под предводительством фра Филиповича, убито, зарезано, замучено 2.298 человек - мужчин, женщин и детей сербской национальности.

вич, а кто-то – фра Векослав Филипович. Но это не имеет никакого значения, так как речь об одном и том же Сатане. Сатане, у которого Бог взял имя.

Сатана – ложь, но Бог – истина.

Святой отче, фра Сатана заставил меня взять классный журнал для того, чтобы отделить детей – «восточников» от детей-католиков, для того, чтобы разделить детей, которых я любила больше всего на свете. Что было с ними, после того, как я их разделила – не знаю. Говорят, что чернорубашечники – я этого не видела – в целях абсолютного усташского воспитания, заставили детей-католиков присутствовать, словно на лекции, на том ужасном спектакле, и смотреть, как сукины сыны убивают их сверстников. Я не знаю, ни как их убивали, ни того – убили они себя или них. Не знаю где – в классе, в коридоре, на лестнице, в школьном дворе или на страницах учебника. Помню только их благословенные глаза, взгляд, молящий о милости, пока палачи перекладывали из руки в руку какие-то палицы. Но помочь я им ничем не могла.

Это самая страшная картина, которую я понесла с собой на тот свет, так как я уже давно не являюсь частью вашего света.

Что было дальше- не может поместиться в рассказ.

Рассказ – ложь, но Бог – истина.

Святой отче, это был февраль, щедрый на снег, казалось, снег покрыл весь свет - столько его было, когда в школу ворвались чернорубашечники. Ни у кого из них в лице не было ни одной постоянной краски. Умей я рисовать карикатуры, я изобразила бы их тараканами, но я не умею. Не могу их описать – этого не довольно. Даже в таких словах, как нелюди, сброд, мразь недостаточно смысла.

Это так грустно.

Святой отче, слова – ложь, но Бог- истина.

Они были вооружены до зубов, и все, кроме их предводителей, были из Герцеговины – я заключила это поговору. После кто-то из них говорил, что огнестрельного оружия они не применяли – чтобы дети не испугались. Не знаю, зачем - многие из них потом рассказывали о том, как убивали детей ножом, так называемым усташским тесаком, дубинками, топорами, вилами, штыками, а чаще всего железным шаром на деревянной доске – сербомлатом. Как убивали исключительно холодным оружием, чтобы не было слышно. Об этом я свидетельствовать не могу. Помню лишь детские глаза, ищущие милость. Этих глаз мне не забыть никогда. Глаз, в которых был страх, крик, ужас, умирание! Помню ещё одну деталь. Помню, как у одного из убийц, держащего в руке сербомлат.. как на его подстриженных ногтях алела кровь, и как другой убийца отскочил назад, чтобы его не забрызгал мозг из разбитой детской головки. А снег впитывал детские крики.

Остальное не помню.

Только их глаза, преследовавшие меня во сне. И мне казалось, что я схожу с ума.

Ни одно преступление не может быть страшнее того, кто его совершает.

Преступление – ложь, но Бог – истина.

Святой отче, в своём обширном донесении итальянский консул сообщил, что 7-го февраля 1942 года, в Народной школе в Шарговце убито 56 православных детей. Неправда. Педантичные немцы подсчитали, что убито 53 ребёнка. И это неправда. Поймите меня, в том состоянии, в котором я нахожусь – я не могу лицитировать с жертвами. Немцы были бы правы, если бы в тот день пришла в школу Курузович Драгица. Но её не было – в тот день она была у своей тётки в Борике и осталась жива. Свидетельствую с «того света», так как ни один довод вашего мира не обязует меня говорить неправду.

Математика – ложь, но Бог – истина.

Святой отче, когда мне выпала честь сойти с ума – всё уже было кончено. Но с ума я сошла не потому что не могла носить в себе картины, непрестанно отражающиеся в моих слезах, не потому что я видела сцены, которые смывают с человека всё преходящее и с огромной энергией по-

казывают смысл и бессмыслицу жизни, а потому что после бойни, человеческие выродки заставили меня написать в Главном списке, превратившемся в Кровавый переключник, возле имени каждого умерщвлённого ребёнка, что 7-го февраля 1942 года он умер естественной смертью. Я не смела позволить, чтобы меня так унизили, чтобы моя рука написала в Главном списке о естественной смерти детей. И я признаю свой грех.

Во имя Иисуса и Пречистой Девы молю о прощении.

Пусть Всевышний судит меня.

С тех пор я безутешна. С тех пор нет мне покоя. И не будет – ни покоя, ни спасения.

Та неосмотрительность – моё наказание, вызвавшее меланхолию, которая разбила меня на мелкие кусочки. Препятствие меня больше не было. О том, как я сошла сума – знаю мало. Вероятно то, что произошло, забыть было невозможно. Денно и ночью я распадалась по частям. Нервы были напряжены до такой степени, что пульсировали ужасом. Что я только не чувствовала – даже псом себя ощущала. Словно в утеху, мне снилось, что я ничто, но не помогало. Помню, что в один момент моё тело превратилось в комок нервов, застряло в тысячах запутанных вен, начало сопротивляться дыханию, и я подумала, что ещё раз я этого не переживу. Не пережила ни тот. Отлично помню, как я себя ощущала, когда меня сначала объявили сумасшедшей, а потом замуровали в отчаянье.

Теперь это мой свет. Навсегда.

Человек может пережить всё, кроме смерти.

Смерть – ложь, но Бог – истина.

Святой отче, поскольку вы, как паломник, путешествуете по миру, поскольку, как путешествующий папа, вы занимаетесь торговлей индульгенциями, откупом акций и прощением грехов – только тот, кто видел и одну, и другую сторону, только тот, кто живёт и этой, и с той стороны, только он имеет право вам сказать: оставьте ваши путешествия, перестаньте целовать взлётно-посадочные полосы, перестаньте поднимать над собой детей в накрахмаленных рубашечках и кружевных юбочках и гладить их по головкам, перестаньте благословлять паству поднятой рукой – взгляните в вечность.

С меня хватит – смысла, ложной морали, слёз над всеобщим погребением.

Не из одной бойни никогда никакая правда не рождалась – не родится ни из этой.

Раньше я не знала, но знаю сейчас, что нет ни востока, ни запада, а есть только Ватикан.

Когда я услышала, что, как путешествующий свидетель Евангелия, вы прибываете на место страшного преступления, что личность с таким авторитетом собирается посетить место, где за день до кровавой бойни состоялась встреча с участием бывшего великого пастора Виктора Гутича, банялукского пастора Николы Белогривича, председателя суда Стиловича и множества священников, я надеялась, что вы, от имени Римской курии посетите и Народную школу в Шарговце. Что придёте на место, где преступление совершено под защищающим взглядом Святого престола. Что придёте в нынешний Сербский Милановац, на место трупов и дыма, где лилась невинная Христова кровь гасились уголья, что поклонитесь месту, где вырезана одна школа. Что придёте, чтобы услышать голоса убитых детей, их мёртвый гам, их мёртвую радость, их мёртвые песенки и стишки, которые они пели и читали.

Я даже приготовила карточку. Не карточку, а обычный лист газетной бумаги, на котором был написаны имена убитых ребятишек, но мне не дали ни повесить этот список, ни было где его прислонить. Ни на доску объявлений, ни на входные двери, ни на дерево в школьном дворе.

Даже на школьную ограду не дали.

Только не спрашивайте меня, кто не дал. Представьте себе – не позволило Министерство образования Республики Сербской. Местные власти были за это, и граждане, и школьное руководство, а Министерство образования – нет.

Не время, говорят. Мы должны строить мосты, а мятая бумажка с именами убиенных детей растревожит духов. Когда речь о сербской истине – тогда не время! Так вот, время! Чем больше времени будет проходить, тем чаще в мире будет бродить рассказ о убиенных сербских детях, тем больше он будет печь человеческую совесть.

Потому что есть истории, которые никогда не застаревают. Они летят, оставаясь на месте. Такие истории могут пережить самое себя, они защищены от ушибов, укусов, жал, злых сил. Они могут длиться бесконечно.

Не могут ни сгореть, ни исчезнуть, ни погибнуть.

Не могут быть закопаны и забыты.

Невозможно убитых детей сделать безымянными, невозможно так просто вытряхнуть их в пустоту.

Святой отче, газетная бумага не ложь! Никакой снег не может её замести, никакой ветер порвать, никакой дождь смыть, никакое солнце иссушить, никакой огонь спалить, никакие сорняки покрыть – какой бы тонкой и лёгкой она ни была. Как бы ни бледнела, пропадала и распадалась - под ней всё ясней и отчётливей, будут воскресать имена убиенных невинных детей.

Радойка, Симеун, Йован, Елена, Душан, Душан, Йованка, Душан, Драгомир, Мара, Милан, Остоя, Милева, Джуро, Милан, Душан, Госпава, Драгица, Радмила, Милорад, Остоя, Славко, Душан, Зорка, Гойко, Здравко, Милан, Остоя, Бранко, Драгица, Славка, Любица, Милева, Мара, Митар, Даринка, Нада, Светозар, Бранко, Видосава, Йован, Милош, Здравка, Стамена, Аека, Бранко, Милева, Мария, Нада, Живко, Милан и Миливое.

В каком-то высшем обличьи правда должна существовать.

Должен существовать судья, который не ошибается.

Спокойной ночи, Отче!

Перевела Наташа Тодоровић-Јаковљевић